

Г. И. ЛЮБИНА

РУССКАЯ НАУЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ XIX ВЕКА В ПАРИЖЕ: ОБЩИЙ ВЗГЛЯД И УРОКИ

Научная эмиграция — явление достаточно распространенное, ее последствия в зависимости от обстоятельств бывают самые разные: она может способствовать выравниванию потенциалов отстающих стран, а при массовом исходе исследователей за рубеж может обескровить национальную науку. Зачастую она носит форму своеобразного культуртрегерства — как это было в России XVIII в. Тогда ученые более продвинутой в научном плане Германии заняли открывшуюся для исследований и преподавания нишу. В эту пору русские ездили за границу чаще всего, чтобы поучиться опыту хозяйствования, культурного и научного строительства. В XIX в., особенно во второй его половине, ситуация существенно изменилась. Самодостаточная Европа не испытывала острой потребности в иностранных ученых, но какая-то часть русских интеллектуалов по разным причинам обосновалась на Западе. Они органично вошли в западноевропейское научное сообщество и плодотворно на равных в нем сотрудничали, и это свидетельствует об определенной зрелости отечественной науки. Тогда вместе с представителями метрополии ученые-эмигранты много сделали для интеграции русской научной мысли в сокровищницу мировых знаний, их труды составляют довольно значительный пласт русской культуры, до сих пор еще мало исследованный.

В первой половине XIX в. число интеллектуалов-эмигрантов еще невелико. Более ощутимый их приток на Запад наблюдался в последней трети столетия. Падение авторитета научных занятий, трудности с приобретением высшего образования для определенных групп населения, общая нестабильность, рост политических и национальных притеснений погнали за границу многих представителей студенческой молодежи и российской профессуры. Там они пытались найти жизненное попрание, многие стали связывать свои надежды на будущее с переменной места жительства. Русская эмиграция с тех пор начала приобретать массовый и необратимый характер. Поражение революции 1905 г. усилило поток эмигрантов. Накануне Первой мировой войны только в Париже проживали 35 тыс. русских, из них — 1600 студентов [1, с. 119].

При большом соблазне найти следы русского интеллектуального зарубежья на территории всей Франции, в частности на Французской Ривьере, месте обитания большого числа русских политэмигрантов с последней трети XIX в., мы вынуждены остановить свое внимание именно на Париже. Столица Франции уже со времени абсолютизма превратилась в средоточие культурной и научной жизни всей страны. Привлекательность Парижа для русской интеллигентной публики определялась универсальностью и космополитичностью этого города. Как свидетельствовали русские писатели-путешественники и ученые прошлого века Н. М. Карамзин, П. В. Анненков, П. Д. Боборыкин, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. В. Никитенко, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, М. И. Венюков, здесь были востребованы и находили широкие возможности для развития и совершенствования любые ум-

ственные способности, могли быть удовлетворены различные культурные запросы. Для занятий наукой существовала разнообразная инфраструктура — обширные естественно-научные коллекции Музея естественной истории, Горной школы, знаменитое собрание автоматов Консерватории искусств и ремесел, библиотеки, архивы и музеи, научные организации и вузы с современной подготовкой к исследованиям. После революции 1879–1894 гг. Париж стал перекрестком европейской науки, сюда стремились ученые из разных стран мира, здесь работали крупные представители французского естествознания, физико-математических и естественных наук.

Прививка многовековой культуры воспитала во французах терпимость по отношению к представителям иной национальности, веры, политических взглядов. Демографический кризис последней трети XIX — начала XX вв. делал французские власти снисходительными к иностранцам. Русские пользовались их особой благосклонностью со времени наметившегося в последней трети XIX в. политического сближения, завершившегося в 1893 г. заключением русско-французского военно-политического союза. Лишенным политических прав иностранцам были предоставлены во Франции все демократические свободы. Те из них, кто имел близкое знакомство с языком и культурой страны, кто нашел возможности для позитивного творчества, чувствовали себя в Париже достаточно комфортно. В последней трети XIX в. Париж превратился в крупный центр русской политической эмиграции, сюда не пускали только представителей крайних экстремистских течений — анархистов, террористов.

Число русских исследователей в Париже в XIX в. сравнительно невелико, но среди них блистают звезды первой величины: географ-путешественник Петр Александрович Чихачев, этнограф и востоковед Николай Владимирович Ханьков, химик Владимир Федорович Лугинин, биолог Илья Ильич Мечников, физиолог Илья Фаддеевич Цион, географ Михаил Иванович Венюков. Стойкое отношение к эмигрантам как отщепенцам русской культуры, царившее в советской историографии, определило запоздалый интерес в последние два-полтора десятилетия к научным биографиям многих этих естествоиспытателей [2; 3; 4]. Исключение составляет только И. И. Мечников. Благодаря стараниям его вдовы, близких учеников и друзей воспоминания о трудах и жизни этого великого ученого появились вскоре после его смерти и были продолжены более поздними публикациями [5–12]. Многие деятели русского научного зарубежья XIX в. оказались обойденными вниманием наших историков. К таким полузабытым фигурам можно отнести экономистов Виктора Степановича Порошина и Людвиг Валериановича Тенгоборского, минералога, кристаллографа и философа-позитивиста Григория Николаевича Вырубова, социолога и философа Евгения Валентиновича де Роберти, антрополога Иосифа (Осипа) Егоровича Деникера, физиолога Марию Исидоровну Гольдсмит. Надолго забытой оказалась просветительская миссия так называемых русских иезуитов в Париже. Недавно изданная в Париже книга отца П. Пирлинга проливает свет на эту сторону деятельности русских интеллектуалов [13]. Нового прочтения потребовали эмигрантские судьбы политолога, правоведа и социолога Максима Максимовича Ковалевского [14–16], антрополога, философа науки, идеолога народничества Петра Лавровича Лаврова [17–19]. К ним как видным деятелям либерально-конституционного и народнического движения интерес отечественных историков был надолго потерян.

Мотивы эмиграции или долгого проживания за границей (В. Ф. Лугинин, М. М. Ковалевский), или публикации своих сочинений преимущественно на французском языке (Е. В. де Роберти из-за запрета цензуры) различны. При всей при-

влекательности парижской научной и культурной среды главной причиной добровольного изгнания было неясное противостояние политическому режиму, нравам и обычаям, царившим в стране¹. В дореформенной России оно было вызвано несоответствием между западным образованием и принятыми в Европе общественными идеалами и мрачной действительностью страны крепостного права, невостребованностью на родине незаурядных творческих возможностей. В пореформенной России мотивы эмиграции все те же — невозможность жить на родине по закону и совести, вездесущий полицейский сыск, стеснительные для свободы научного творчества условия работы.

Все наши герои принадлежали к наиболее в ту пору образованному классу России — к дворянству. В изгнании некоторые из них лишились своих наследственных привилегий. Единственное преимущество их класса, которым они воспользовались в полной мере, это возможность получить блестящее образование. Чаще всего оно начиналось в дворянской усадьбе, продолжалось в элитных средних учебных заведениях (Благородный пансион в Москве, Царскосельский Александровский лицей) и завершалось в русских и зарубежных университетах. Для всех них характерна склонность к самообразованию, целенаправленной выработке культуры научного мышления, освоению и изобретению собственных исследовательских методов. Своей гигантской эрудицией П. А. Чихачев, Н. В. Ханьков, М. М. Ковалевский, П. Л. Лавров, П. А. Кропоткин, Г. Н. Вырубов и И. И. Мечников были обязаны самостоятельным занятиям и общению с русскими и западными коллегами.

Русские интеллектуалы — хотя Кропоткины, Тургеневы, Порошины, Вырубовы, Лавровы, Мечниковы, Ковалевские принадлежали к старейшим русским дворянским родам — признавали единственный аристократизм, аристократизм ума и духа, ибо «другой аристократии, кроме ума, знания и таланта», они не знали [20, с. 90–95]. Они составили элитную часть русской интеллигенции. Русские интеллектуалы на Западе — особая, сравнительно немногочисленная группа представителей русского образованного общества, воспитанная на дворянской культуре XIX в. Для них не надо было искать оправдания культуре, они сами были ее частью и ее творцами.

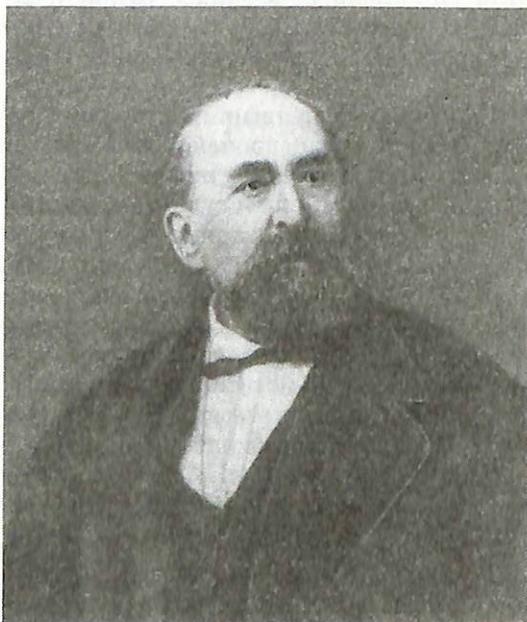
В отличие от большинства своих образованных соотечественников интеллектуалы-западники усвоили не только внешние формы западноевропейского быта или «личину западноевропеизма» в виде различных общественных институтов, но и восприняли все богатство и глубину его философской мысли и культуры, наследницы античного мира. Им претил узко практический подход к копированию зарубежного опыта, была совершенно несвойственна узость русских максималистов, извлекавших из знакомства с Западной Европой лишь «последние откровения» нигилизма и социализма и совершенно проглядевших ее многовековую культурную традицию [21, с. 411]. Русским ученым был присущ трезвый реализм мысли, совершенно исключая некоторую безответственность тех умственных построений, которые в случае реализации, могли бы привести к чудовищным последствиям. От безбрежного, ни с чем не сравнимого деспотизма в случае воплощения социального идеала марксизма предупреждал своих соотечественников И. Ф. Цион. Вырубов писал Лаврову, что идея диктатуры пролетариата игнорирует интересы преобладающей массы населения, крестьян [22, л. 3]. Вырубов, Боборыкин, Цион кри-

¹ Из русских эмигрантов лишь немногие — декабрист Н. И. Тургенев, народоволец П. Л. Лавров, анархисты Л. И. Мечников, П. А. Кропоткин, И. Е. Деникер, русские иезуиты — пришли в открытое столкновение с властью или с господствующей религией. Они были лишены гражданских и имущественных прав и заочно изгнаны из страны. Возвращение на родину сулило арест, каторгу и ссылку.

тиковали как оборотную сторону все того же деспотизма выросшие на почве западноевропейского социалистического движения и имеющие с ним мало общего русские экстремистские течения — нигилизм и анархизм.

Русские ученые-эмигранты были заняты поисками для своей родины альтернативного пути развития, отличного от застойности откровенного консерватизма и от крайностей экстремизма. Еще задолго до массового исхода россиян за пределы отечества они образовали широко распространившийся уже позднее в послеоктябрьский период эмиграции тип «консервативного либерала» [23, с. 30]. При этом многие не обольщались относительно трудности для России срединного пути развития. «Какая это особая, непохожая на Запад страна Россия, — писал Лавров, — только одни крайности или слепое и рабское повиновение, или революционаризм» [24, с. 433].

Некоторое отдаление от родной стихии обостряло раздумия о будущем России. Большинство эмигрантов связывало надежды на демократическое обновление страны с ее равноправным сотрудничеством в союзе цивилизованных государств. Эмигранты-западники, в отличие от своих соотечественников-славянофилов, панславистов, некоторых религиозных мыслителей, позднее евразийцев, не отрицали поучительности западного опыта для сознательного построения своей собственной истории [25]. Все сходились на том, что изучение западного опыта, как бы он ни был чужд русской действительности (а для многих русских критиков Запада был неприемлем укоренившийся там примат «воинствующего экономизма» [26, с. 225]), необходимо, им не вправе пренебречь ни историк, ни общественный деятель, ни государственный политик. В их представлении сравнение позволит избежать многих ошибок, направит движение по верному пути, по возможности сократит мучительный переход к демократии.

Петр Александрович Чихачев

Издаleка яснее виделись геополитические задачи России. Большинство наших героев было державниками, носителями идеи русской государственности, построенной на демократических началах и во имя народного большинства. Они мечтали о сильной, независимой России. Достижение этой цели виделось не в наращивании военной мощи и безграничном расширении территориальных пределов страны, — в чем царизм уже достаточно преуспел и чем вызывал опасения у Запада, — а в решении прежде всего внутренних неотложных задач. К ним относили освобождение от унижительного рабства массы крестьян, заботу об их материальном благосостоянии и культурных досугах, искоренение национальной и религиозной розни на территории империи, установление демократических свобод для всех ее граждан без различия сословий и имущественного положения. Только при достижении такого уровня цивилизо-

ванности, думали они, Россия может претендовать на достойное место в европейской семье народов. Вместе с реформаторами 1860-х гг. эмигранты верили в близкую для России эпоху «мирной и умственной славы», они полагали, что пришло время, чтобы Россия стала «богатой, просвещенной, свободной и счастливой» [13, с. 35]. Русские интеллектуалы настаивали на приоритете экономических задач перед военно-политическими целями. Н. И. Тургенев, П. А. Чихачев, Н. В. Ханьков, М. И. Венюков видели в чрезмерной милитаризации экономики одну из серьезнейших бед России. Непрестанное расширение границ, предостерегали они, отодвигает решение внутренних проблем, содержание непомерной армии приводит к истощению материальных ресурсов страны, к физическому и моральному оскудению нации. Во внешней политике они отдавали предпочтение

Николай Владимирович Ханьков

торгово-экономическим связям перед выяснением отношений с помощью грубой военной силы, видели ее цель в искусном дипломатическом маневрировании, в уравнивании ее различных направлений, в поисках надежных партнеров в перипетиях текущих событий. Приоритеты национальной политики они соотносили не с представлениями о достоинстве государя-самодержца, — иногда довольно дикими по понятиям западного человека, — а с интересами его подданных. Мудрое понимание интересов России они находили в действиях видных государственных деятелей эпохи: Александра II, Н. А. Милютин, Н. Н. Муравьева-Амурского, Д. П. Киселева, А. М. Горчакова. Недаром эти крупные реформаторы и «устроители русской земли на поприще долговременного служения родине» (так характеризовал Киселева один из его биографов) были близкими друзьями русских интеллектуалов-эмигрантов. Богатый опыт общения, хорошее знание изнутри европейской жизни, особенностей мышления западного человека и его психологии подсказывали им некоторые тонкости поведения, часто недоступные даже профессиональным дипломатам. Благодаря этому знанию они могли отойти от стереотипов, сложившихся у русских по отношению к некоторым явлениям зарубежной жизни. Их опыт «народной дипломатии» высоко ценил Горчаков. Он прибегал к советам эмигрантов, поддерживал некоторые их инициативы по расширению связей России с западным миром. Вместе с Киселевым, русским послом во Франции в конце 1850-х — начале 1860-х гг., Горчаков одобрительно отнесся к идее использования зарубежной прессы для распространения познавательной и деловой информации о России. Очень часто подход русских эмигрантов к решению геополитических задач отличался большей проницательностью и гибкостью», нежели у профессионалов. В этом свете справедливым кажется утверждение Э. Ру, что русские ученые в деле сближения России и Франции несколько опередили дипломатов. Заслуги эмигрантов в этом процессе вполне очевидны.

По своему миросозерцанию эмигранты были близки к идеалам народничества. Они сочувственно относились к страданиям угнетенного народа — будь то западные пролетарии, жертвы английской колонизации или русские крепостные. Им было свойственно желание жить и действовать ради народного блага, возникавшее из раскола русской культуры и жизненного уклада в послепетровский период истории и совершенно неведомое западному человеку. Они признавали культурную пропасть, разделяющую основную массу народа и образованную часть общества. Но выводы по сравнению с народниками и крепостниками делались противоположные. Не в каких-то органических пороках, а в необразованности, культурной запущенности, задавленности материальной нуждой, не оставляющей досугов для умственного развития, видели они причину сонной апатии, владеющей большей частью русского населения. Возможность преодолеть культурное неравенство они усматривали не в хождении в народ и понижении уровня культуры образованного слоя общества, а в возвышении необразованного народа до уровня современного знания, культуры, осмысленной полезной деятельности и сознательного творчества. Для массы русских интеллигентов народнического толка, воодушевляемых идеей равенства во что бы то ни стало, такая позиция по отношению к народу, который рассматривался как пассивная инертная сила, нетипична [26, с. 2–13].

В отличие от сторонников социалистической и анархической доктрин, приносивших личность в жертву общественным интересам, «западники» в основе своего миросозерцания имели антропологизм, признание человека наивысшей ценностью исторического бытия. Субъектом исторической жизни они полагали индивида, а цель исторического развития, в их представлении, состояла в том, чтобы с помощью права, образования, благотворительности, кооперации смягчить последствия социального неравенства и напряженности в обществе. Многие интеллигенты второй половины XIX в. (Н. И. Пирогов, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, В. Ф. Лугинин, М. М. Ковалевский, П. Л. Лавров) видели свою задачу в укоренении в русском обществе чувства законности и справедливости, уважительного отношения к личности, в привлечении наиболее грамотных и предприимчивых представителей народа к участию в земском и кооперативном движении, в просветительской работе, в создании народных школ. В марксизме большинство эмигрантов отталкивало подавление личности, ее инициативы, подчинение индивидуального развития требованиям коллектива, понижение в конечном счете ее творческих возможностей².

Выводы относительно приемлемости для России западной модели развития делались разные. Разочарованные в западном опыте Герцен и Лавров видели выход в сельской общине и аграрной коммуне на началах мирского владения землей, артельного способа труда и пользования его продуктами. Герцен полагал, что именно община на протяжении веков помогла русскому народу сохранять потрясающую жизнестойкость перед лицом таких напастей, как татарское нашествие, рус-

² Веяние социалистических и гуманистических идей коснулось многих эмигрантов. Их этическому идеалу соответствовало представление о братской дружбе между народами, о кооперации и солидарности между людьми. Они пытались на деле подтвердить верность своим принципам. В числе защитников Парижа во время франко-прусской войны оказались В. Ф. Лугинин и Г. Н. Вырубов. Тогда этот порыв охватил многих интеллигентов Европы, было организовано Международное общество помощи раненым, филиал его в Варшаве послал во Францию 40 медиков во главе с руководителем г-ном Башмаковым [27, л. 17]. Действенную помощь П. Л. Лаврову, П. А. Кропоткину, Е. В. де Роберти, оказала солидарность ученых Франции, Англии, Швейцарии.

ская бюрократия прусского образца, крепостничество [28, с. 96]. Сельская община в глазах Лаврова и народников заключала в себе зародыши справедливого социального быта. Верность принципам сельской общины в представлении ее приверженцев должна была избавить Россию от капиталистической фазы развития и связанных с ней социальных издержек. Этот путь аграрного коммунизма Герцен мыслил как способ обновления и омоложения стоящей на пороге социального кризиса Западной Европы. Впрочем, идея «руссификации» Европы через посредство животворящей сельской общины казалась большинству русских интеллектуалов ту-пиковой.

Вырубов, Мечников, Лугинин, Цион признавали необходимость следования России по проложенному Западной Европой пути. Они считали утопичной идею построения более совершенного общества с помощью сельской общины, так как видели изъяны этого социального института — закабаление личности системой круговой поруки и малую эффективность такого способа хозяйствования из-за отсутствия в России слоя земледельцев-собственников, заинтересованных в результатах труда.

Относительно земельной собственности мнения эмигрантов расходились. Тургенев, Порошин, Вырубов безоговорочно поддерживали право частной собственности на землю и неограниченные возможности ее приобретения. Лугинин, Ковалевский, Мечников признавали архаичность русской сельской общины, но не видели в наделении крестьян землей панацеи от всех социальных бед. Они остановились в растерянности перед процессом массового обезземеливания крестьян на Западе.

Отношение к основным ценностям западноевропейского социального быта, особенно к частной собственности и личной свободе гражданина стали камнем преткновения для русской интеллигенции. Русские интеллектуалы на Западе оказались более восприимчивы к ценностям, определяющим устой западноевропейского гражданского общества, к идее правового государства, зиждущегося на основе общественного договора. Они признавали примат общества над отдельным его членом и вырастающее из него равенство всех перед законом, право индивида на личную свободу и в том числе свободу слова, передвижения, совести и т.п., право его на частную собственность и предпринимательство — в противоположность главенству естественного права, понижающего всех до равенства в бедности и бесправни.

В силу своеобразия русского социума, где проблемы социальной несправедливости буквально затмевали все иные формы угнетения человека государственной бюрократией, большая часть интеллигенции прошла мимо идеи правовой свободы личности и ее неприкосновенности, гарантируемых конституционным порядком [29]. Современники реформ 1860-х гг. обращали внимание на такую их особенность, как исключительный интерес к проблеме освобождения крестьян при почти полном безразличии общественного мнения к правовой и земской реформам³. Русские западники-эмигранты эти вопросы поднимали в связи с оценкой результатов реформ 1860-х гг.

По мнению многих интеллектуалов, реформы 1860-х гг. были запоздалыми, экономические предпосылки для них созрели уже в начале XIX в., но их осуществление отодвинула война 1812 г., а затем последовательная милитаризация внутренней жизни страны в царствование Николая I. Сжатые сроки, в которые нужно

³ Об этом свидетельствовали очевидцы реформ Л. Ф. Пантелеев, А. В. Никитенко и подтверждали философы более позднего времени С. Н. Булгаков и Б. А. Кистяковский [30, с. 53, 59–63, 127].

было вместить радикальное переустройство всего внутреннего уклада российской жизни, обусловили то, что не хватило времени для подготовки общественного мнения к столь существенным переменам для постепенного и неспешного их проведения, для формирования среднего класса — опоры политической стабильности. Отсюда половинчатость, обратимость преобразований, которые оказались миной замедленного действия, сработавшей в революциях 1905 и 1917 гг.

Из отношения к достижениям западноевропейской демократии Н. И. Тургенев, Г. Н. Вырубов, М. М. Ковалевский выстраивали модель будущего развития России. Они предполагали, что Россия будет эволюционировать в русле мировой цивилизации, что ей не миновать капиталистической фазы развития со всеми вытекающими последствиями: с формированием соответствующих классов, со свободой экономической деятельности, преобладанием экономических методов хозяйствования над административными. Они были сторонниками эволюционного пути и считали, что история развивается по своим органическим законам, то, что навязано извне, что чуждо исторической природе данного общества, нежизнеспособно. Поэтому нельзя торопить события, всякое общество вступает в очередной жизненный цикл в свой собственный, назначенный историей час. Вот почему, думали они, время демократической республики в России еще не пришло, но страна уже вполне созрела для конституционной монархии, для ограничения произвола самодержавной власти рамками правительственного законодательного органа. В признании для России необходимости конституционности и правового порядка русские эмигранты опередили многих своих современников, хотя они не всегда отдавали себе отчет в трудности адаптации этих западных институтов в России.

Вместе с русскими писателями ученые явили миру возможность существования культуры, объединяющей элементы Запада и Востока. Русские прежде всего расширили географическую зону исследовательских возможностей, открыв перед запад-

ными коллегами районы Западной Сибири (Кропоткин), Алтая (Чихачев), Средней Азии (Ханыков), Дальнего Востока (Венюков), Японии и Китая (Л. И. Мечников, Венюков). Они показали возможность объединения в единой культуре европейского и азиатского элементов, способствовали сближению Востока и Запада. Одними из первых они пробили брешь в евроцентризме, став своеобразными предшественниками более позднего евразийства. Самим фактом своего существования, представляя вполне зрелую и самостоятельную национальную культуру, они отрицали универсальность и единственность западной цивилизации. Русские обогатили Запад новым типом культуры. В этом совмещении двух миров, в преодолении изоляции Востока видел Н. И. Бердяев историческое назначение России, и в этом направлении ей следует продолжать, думал он, если

Михаил Иванович Венюков

она не хочет утратить мировое значение и выпасть из мировой культуры [31, с. 78]. Азиатская составляющая русской культуры нашла отражение в определенном практицизме сочинений русских географов. П. А. Чихачев, М. И. Венюков обращали внимание на восточное направление внешней политики России, на необходимость тесного экономического сотрудничества со странами Средней Азии и Дальнего Востока. По отношению к нехристианским народам России Чихачев и Ханьков призывали к веротерпимости, сохранению родного языка и обычаев, уважению национальных традиций и общественных институтов, к умелому взаимодействию военных и гражданских властей, и в этом видели отличие русской колонизации от губительного для коренного населения британского проникновения в Индию.

Это была та русская интеллигенция, которая снимала огульные обвинения в ничегонеделании, резонерстве, некоторого рода маниловщине, построении умозрительных систем, очень далеких от действительной жизни, в чем так часто обвиняли образованную часть русского общества. Еще на родине участием в государственно-административной и дипломатической работе Н. И. Тургенев, П. А. Чихачев, Н. В. Ханьков, М. И. Венюков разбивали представление о затворничестве ученых. О практичности некоторых их выводов мы уже писали. Актуальными оказались внешне далекие от русской действительности сочинения М. М. Ковалевского о западноевропейской государственности и праве, в них поднимались злободневные для России вопросы частной собственности, отношения личности и государства. Излишне говорить о практическом применении некоторых термодимических работ В. Ф. Лугинина или о вкладе И. И. Мечникова и его лаборатории в обуздание инфекционных болезней.

Эмигранты-интеллектуалы были блестящими профессионалами и большими тружениками. Многие из них, состоятельные собственники, избежали соблазна ничегонеделания богатых людей. Те же, кого эмиграция лишила состояния (Лавров, Кропоткин, Л. И. Мечников), жили на пределе человеческих возможностей. Само вживание в чужую жизнь и заботы о заработке требовали исключительных волевых усилий. Но эти заботы не поглотили всецело жизненную энергию наших героев, у них оставались еще силы для плодотворной научной деятельности. Повседневной упорной работой они повышали авторитет исследовательского труда, доказывали, что он столь же востребован обществом как любой другой вид полезной деятельности. На чужбине, далекие от официальной науки своей приемной родины, они формировали новый тип независимого ученого вне рамок мелочной государственной опеки и преодолевали столь распространенное в XIX в. представление о подчиненном положении исследования по отношению к преподаванию.

Петр Алексеевич Кропоткин

От концептуальных представлений о путях развития России эмигранты переходили к действиям. Их усилия были направлены на укоренение России среди стран западного мира. Они чувствовали себя посланцами русского народа и культуры на Западе. «Пусть узнают европейцы своего соседа: они его только боятся, — надобно им знать, чего они боятся», — так определил в 1847 г. свою задачу эмигранта А. И. Герцен [28, с. 93]. Действительно, тогда как политическое могущество давно было признано на Западе вместе с успехами русского оружия, Европа не спешила признавать интеллектуальное равенство России. Русские эмигранты были одними из тех, кто изменил мнение образованных европейцев и снял клеймо подражательности и примитивности с русской культуры, а со своего народа печать грубой силы, рабской покорности, нравственной низости, двуличия и лживости, именно таким он часто предстал в сочинениях западных путешественников. Эмигранты стали проводниками культуры и интересов России за рубежом. Работы русских иезуитов (И. С. Гагарина, А. П. Голицына, И. Мартынова, П. Пирлинга) знакомили западного читателя с новым для него миром русской истории, археологии, богословия. Н. И. Тургенев, В. С. Порошин, М. М. Ковалевский, М. И. Венюков привлекали его внимание к вопросам экономического, социального и политического быта современной России, к правовой истории населяющих ее народов, открывали ее потенциальные возможности, указывали на наиболее благоприятные области приложения иностранного капитала.

Эмигранты показали миру оригинальный русский характер, позитивный, волевой, динамичный тип русского человека, который олицетворяли собой такие яркие личности, как П. А. Кропоткин, М. М. Ковалевский, И. И. Мечников. Общечеловеческие черты были отлиты в них в типично русскую форму. В них покоряли сердечная доброта, отзывчивость, открытость, способность к состраданию и сопереживанию, демократизм, чуждые западной расчетливости и мелочности. Это происходило от самой молодости русского общества, в социальной жизни менее стратифицированного и регламентированного посредством сословных и корпоративных перегородок. Г. И. Вырубов, Е. В. де Роберти так же, как и их соотечественники кн. Э. П. Мещерский и П. Б. Козловский, представляли довольно редкий среди эмигрантов тип «русского европейца». Они больше соответствовали западноевропейскому типу ученого с принятой здесь строгой рациональностью, логичностью мысли, определенными нормами поведения. Но и в них давали себя знать такие черты характера, как порывистость, яркость темперамента. Жену Вырубова, француженку, изумляли бесконечные, длившиеся иногда далеко за полночь, споры в их семейном доме. Холодный, иногда нарочито расчетливый ум уживался с импульсивностью поступков. Определенный «кодекс чести» мгновенно срабатывал, когда надо было встать на защиту признанных ими ценностей — достоинства и благополучия одного человека или целого народа. Оказать услугу друзьям, помочь нуждающимся и слабым были для них столь же естественной потребностью, как и увлеченность научным творчеством. Герцен отмечал в своих соотечественниках такую чисто русскую черту, как соответствие серьезного умственного развития высокой нравственности. «Образование у нас до последнего времени, — писал он, — составляло предел, который много гнусного и порочного не переходило» [32, с. 239]. Единственное исключение представлял собою Цион, он пренебрег этим неписанным правилом, и от него отвернулась вся русская научная диаспора в Париже.

Русским интеллектуалам удалось то, что редко удавалось их соотечественникам-политэмигрантам и путешественникам, они вошли в тесное соприкосновение с французским обществом. Сохраняя приверженность национальной культуре,

они распространяли ее влияние на представителей близкого западного окружения, переступали порог национальной замкнутости, часто отделявший политических эмигрантов от массы исконного населения, и делали это самым естественным образом. Появились смешанные русско-французские пары: семьи Тургеневых, Лугининых, Чихачевых, Вырубовых, Порошиных. За ними последовали французы: А. Дюма-младший, журналист и музыкальный критик д'Альгейм, русист М. Вогюэ, любимый ученик И. И. Мечникова Э. Бюрне. Многолетняя дружба связывала В. Ф. Лугинина и М. Бертло, Г. Н. Вырубова и Э. Литтре, И. И. Мечникова и Э. Ру. Европеизм вносил в размашистую русскую натуру элемент упорядоченности, здравомыслия, трезвого рационализма, удерживал от безответственных поступков в области социальной практики, заставлял выверять смелые гипотезы опытом. Роль «благоразумного тормоза» по отношению к творческой фантазии Мечникова выполняли его французские друзья Э. Ру и Э. Дюкло, также действовал на М. Ковалевского политолог А. Леруа-Болье.

Как ни велик вклад русских исследователей в становление дружеских связей между Россией и Францией, основные их заслуги относятся, конечно, к области близкой им науки. Они были воспитаны в традициях европейской культуры, хорошо ее знали, умело пользовались ее понятиями и языком, и это определило всечеловечную принадлежность их творчества. В этом заключалась их роль посредников в синтезе различных культур. Относительная молодость русской науки проявляла себя в меньшей приверженности «преданиям» научной традиции и авторитета. Это обстоятельство стимулировало фантазию и научную интуицию, столь необходимые для нащупывания новых путей, делало восприимчивыми к новым направлениям науки, к построению смелых гипотез, к широким научным обобщениям. Русские интеллектуалы поражали своих западных коллег широкой образованностью, хорошим знанием западноевропейских языков и научной литературы. В этом отношении они часто служили для них надежным источником информации по интересующим вопросам, помогали преодолевать национальные самодовольство и замкнутость, свойственные некоторым представителям французской науки. Часто они помогали взаимопроникновению различных научных культур. Достаточно вспомнить переводы на французский и русский языки работ классиков немецкого естествознания, осуществленные Чихачевым, и Ханьковым, посредничество Лаврова и Ковалевского при переводе на русский язык сочинений французских антропологов, социологов, правоведов.

Сочинения П. А. Чихачева, Н. В. Ханькова, П. А. Кропоткина, И. И. Мечникова отличались незаурядным литературным талантом и были написаны так живо и увлекательно, что представляли интерес для широкого круга читателей. Virtuозное владение французским языком П. А. Чихачева, И. И. Мечникова, Г. Н. Вырубова отмечали их коллеги-французы. Для многих наших героев характерно стремление к популяризации достижений науки, медицины, гигиены (Кропоткин, Мечников, Ковалевский).

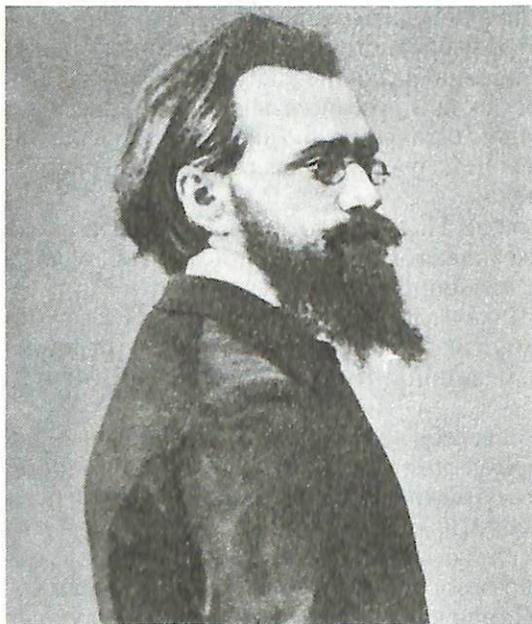
Выбирая изгнание, многие выбирали для себя возможность плодотворных исследований, и для них эмигрантский период стал наиболее продуктивной порой творчества. Размах научной деятельности русских эмигрантов поражает. Огромное научное наследие оставили после себя Чихачев, Мечников, Ханьков, Лугинин, Ковалевский, Цион. Каждый из них сказал свое слово в науке, обогатил ее новыми открытиями и методами. Это было безоговорочно признано мировым сообществом ученых. Русские эмигранты стали членами многочисленных научных обществ и академий Западной Европы, двое, П. А. Чихачев и И. И. Мечников, удостоились редкой для иностранцев чести избрания в Парижскую академию наук,

став членами Института Франции, сообщества пяти французских академий. Совершенно забытый ныне русский политэконом Л. В. Тенгоборский за четырехтомное сочинение о производительных силах России (Paris, 1852–1856) вскоре после выхода в свет этого фундаментального труда был удостоен звания члена-корреспондента этой же академии. В состав Института Франции в качестве члена Академии нравственных и политических наук вошел М. М. Ковалевский.

О новаторском направлении работ русских эмигрантов свидетельствует их участие в становлении многих научных дисциплин и в разработке новых оригинальных теорий в различных отраслях знания. Общеизвестны вклады Чихачева и Веньюкова в развитие физической географии, Ханькова — в этнографию, Лаврова и Вырубова — в историю и методологию науки, Мечникова — в разработку фагоцитарной теории иммунитета, Циона — в создание оригинальной концепции саморегуляции организма, Ковалевского и де Роберти в социологию, а последнего и в философию науки. В свое время все эти направления были пионерскими.

Ф. В. Лугинин в содружестве с французскими учеными много сделал для развития термохимии. Россия, страна раскинувшаяся на двух континентах, из-за своего уникального положения всегда привлекала внимание западных антропологов и этнографов. Понятен поэтому их интерес к соответствующим работам П. Л. Лаврова и И. Е. Деникера. Свою лепту в развитие физиологии животных и в поддержание связей с русскими естествоиспытателями внесла эмигрантка во втором поколении доктор Сорбонны М. И. Гольдсмит.

Много сил отдавали русские эмигранты разработке методологии научных исследований. Опыт личных наблюдений, кропотливое собирание естественно-научных материалов и тщательная их обработка, многочисленные эксперименты лежали в основе их обобщающих трудов. Особо высокая требовательность предъявлялась к достоверности результатов исследования, к использованию в целях сопоставления и выявления истины результатов работы предшественников и современников.

Иосиф Егорович (Осип Георгиевич) Деникер

Для многих характерен комплексный подход к объекту изучения. Это тяготение к интегрированию сведений из различных областей знания совершенно очевидно прослеживается в работах Чихачева, Ханькова, Мечникова, Ковалевского, де Роберти. Н. В. Ханьков буквально ошеломил современников разнообразием и новизной методов, применяемых им в этнографических исследованиях. Он пополнил источниковедческую базу своей работы по этнографии Персии эпиграфическими, нумизматическими материалами, использовал опросы и антропологические обмеры местного населения, нашел недостающие сведения в сочинениях Авесты и средневековой персидской поэзии, применил тогда еще редкий прием сравнения наречий малых народов Передней Азии. Особой оригинальностью отличались работы предшественников и современников. Для многих характерен комплексный подход к объекту изучения. Это тяготение к интегрированию сведений из различных областей знания совершенно очевидно прослеживается в работах Чихачева, Ханькова, Мечникова, Ковалевского, де Роберти. Н. В. Ханьков буквально ошеломил современников разнообразием и новизной методов, применяемых им в этнографических исследованиях. Он пополнил источниковедческую базу своей работы по этнографии Персии эпиграфическими, нумизматическими материалами, использовал опросы и антропологические обмеры местного населения, нашел недостающие сведения в сочинениях Авесты и средневековой персидской поэзии, применил тогда еще редкий прием сравнения наречий малых народов Передней Азии. Особой оригинальностью отличались работы предшественников и современников.

нальностью отличался метод сопоставления изображений жителей Ближнего Востока на древних персидских рельефах с образцами краниологических коллекций городов Европы. Для современного историка большой познавательный интерес представляют широко используемые русскими географами Ханьковым и Венюковым статистические сведения. Богатство естественно-научных фактов и исследовательских методов, оригинальность научных концепций предопределили долголетие работ Чихачева и Ханькова, сравнительно недавно некоторые из них были переведены на русский язык. Изданная известным французским географом Элизе Реклю уже после смерти Л. И. Мечникова его книга «Цивилизация и великие исторические реки» (Paris, 1889) выдержала на родине 5 изданий (последнее в 1995 г.).

Благодаря упорным разысканиям в архивах Западной Европы отцов-иезуитов А. П. Голицына и П. Пирлинга значительно расширилась источниковедческая база исторических работ, а также подобную услугу историкам западноевропейского права и государства оказал М. М. Ковалевский. И. Мартынов открыл для соотечественников собрание славянских рукописей в Парижской национальной публичной библиотеке.

Вне рамок официальной науки во Франции, строго регламентированной и централизованной, русские ученые оказались особо восприимчивы к новой форме организации исследований, на основе неформальных контактов, международного сотрудничества, коллективных форм работы. Русские эмигранты не остались в стороне от организационных новаций своего времени. К последним десятилетиям XIX в. относятся создание проблемных исследовательских институтов, формирование интернациональных по составу педагогов и слушателей вузов со свободным выбором предметов преподавания. Эти подходы настолько утвердились в организации науки XX в., что в настоящее время кажутся банальными. Но в последней трети XIX в. и даже на рубеже веков это был настоящий прорыв в существующей системе организации, и он двинул далеко вперед научные исследования. Современники справедливо замечали, что без организационных усилий Вырубова во Франции едва ли сложился бы крупный центр позитивизма, какой представляли журнал «Позитивная философия» (1867–1884) и близкий к нему кружок единомышленников. Ковалевский и де Роберти выступили инициаторами создания «Русской высшей школы общественных наук» в Париже (1900–1905), воплотившей лучшие достижения педагогической мысли своего времени, ее преемниками в России стали Психоневрологический институт в Петрограде (1907) и Народный университет им. А. Л. Шанявского в Москве (1908). Вырубов, Ковалевский и де Роберти были в числе устроителей и деятельных участников Общества социологии в Париже. Ковалевский оказался причастен к созданию Международного института социологии в Париже и Нового университета в Брюсселе, где сотрудничали де Роберти, Ю. С. Гамбаров, А. И. Чупров и многие другие русские ученые. Состав преподавателей и учеников был многонациональный, приглашались наиболее авторитетные представители той или иной научной дисциплины из различных центров Западной Европы и Северной Америки. Ошеломительный успех имела устроенная Н. В. Ханьковым русская экспозиция на Международном географическом конгрессе в Париже в 1875 г. Ханьков учел опыт Международной выставки 1867 г. в Париже. Русский посол П. Д. Киселев отмечал, что тогда не были использованы все возможности для ознакомления иностранцев с русской историей, культурой, экономикой [33, с. 407]. Ханьков избежал подобных упреков. Русский отдел потрясал своей наглядностью и размахом географических работ в стране. Вершиной организационного творчества ученых XIX в. стал Пастеровский институт

(1888 г.). В нем наиболее последовательно воплотились все современные принципы организации. Насколько этот тип научного учреждения оказался своевременным и удачным свидетельствует появление многочисленных филиалов и двойников во Франции и во многих странах мира. Мечников прошел с институтом первые 28 лет его существования, разделяя организационные заботы с Л. Пастером, Э. Дюкло, Э. Ру. В 1886–1903 гг. русский ученый руководил Отделением морфологии низших организмов и сравнительной микробиологии, а с 1904 г. после смерти Э. Дюкло стал вице-директором «Дома Пастера», много сил отдавая внедрению принципа кооперации на уровне отдельных сотрудников и целых подразделений института, для чего предложил проблемные темы, группирующие исследователей разных специальностей.

Русские эмигранты оказались участниками формирования материальной базы исследований. Получалось так, что в процессе изысканий ученые составляли естественно-научные коллекции и подбирали необходимые инструменты, собирали редкие рукописи и книги по интересующей специальности, оборудовали исследовательские лаборатории. Судьба части этого ценного достояния пока неизвестна, похоже, что оно расплылось, пропало. Но некоторая часть благодаря предусмотрительности ее владельцев была спасена и попала в распоряжение русской и французской науки. Стараниями Ханыкова значительно пополнились эпиграфические и нумизматические коллекции Азиатского музея Петербургской академии наук, хранильницей его ценного собрания редких восточных рукописей стала Императорская Публичная библиотека в Петербурге. Московский университет получил в дар от Лугинина, уроженца первопрестольной, оборудование его термохимической лаборатории, одной из лучших в мире. Научная библиотека и архив Венюкова попали, согласно его завещанию, в Хабаровск, в закладке которого он участвовал. Чихачев сделал подарок Парижской академии наук, предоставив в ее распоряжение свои естественно-научные коллекции. Он же позаботился о будущем географической науки, учредив на собственные средства премию Парижской академии наук за лучшие исследования азиатского региона.

Родственники, друзья, русские эмигранты первой волны (20–30-е гг. XX в.) сохранили и помогли вернуть на родину архивы братьев Н. И. и А. И. Тургеневых, И. И. Мечникова, П. А. Кропоткина, П. Л. Лаврова, Н. В. Кончевской (и в нем архив Л. И. Мечникова), М. И. Гольдсмит, П. А. Сорокина, бесценные источники истории науки и культуры. В Париже донныне существует в составе Центра русских исследований в Медоне Славянская библиотека русских иезуитов с обширным архивом, в частности, с документами кн. И. С. Гагарина и письмами его корреспондентов: И. С. Аксакова, А. Н. Бахметьевой, А. И. Герцена, Ю. Ф. Самарина, П. В. Долгорукова, Н. И. Тургенева, А. Гакстхаузена, В. С. Печерина, С. П. Шевырева и других видных деятелей русской и западной культуры.

Очень много сделали русские ученые-эмигранты для налаживания диалога с французскими исследователями. Здесь особое значение приобретало личное общение с французскими коллегами. Образовались определенные цепочки связей, в них втягивались приехавшие из метрополии молодые русские ученые. Без добродетельного содействия Лугинина и Вырубова едва ли вошли бы в тесный контакт с французскими химиками М. Бергло, Ш. Фриделем, Л.-Ж. Белем, А. Наке, А. Ле Шателье молодые И. Н. Осипов, И. А. Каблуков, Д. И. Менделеев, К. А. Тимирязев. Русские антропологи, в их числе Д. Н. Анучин, И. Е. Деникер, С. Н. Данилло и многие другие, приобщились к знаменитой антропологической школе П. Брока при содействии Лаврова, хорошо знавшего и самого Брока, и его учеников П. Топинара и Л. Мануврие. Благодаря тесному сотрудничеству с русскими

эмигрантами Кропоткиным, Мечниковым, Лавровым и другими, Элизе Реклю познакомился с Д. А. Коропчевским, географом и переводчиком на русский язык многих своих работ. И таких примеров немало.

Ханьков, Лугинин, Лавров, Мечников не жалели внимания для молодых соотечественников, помогая им советами, рекомендациями, облегчая доступ в научные лаборатории и библиотеки, снабжая необходимой литературой. Особенно много для подготовки молодых русских исследователей сделал Мечников, в числе его учеников много иностранцев — французы, бельгиец, японец. Собственную школу философии неопозитивизма создал во Франции Е. В. де Роберти, число его франкоязычных учеников и последователей насчитывается десятками.

По мере успехов российской науки у западных ученых возник интерес к ее результатам. Международные и национальные научные конгрессы, широко распространившиеся во второй половине XIX в., стали существенным источником информации об исследованиях в разных областях знания. Иногда русские эмигранты представляли на них отечественную науку. Ханьков, Вырубов, Мечников, Ковалевский знакомили зарубежных коллег с работами русских географов, антропологов, биологов, правоведов, социологов, психологов, историков, этнографов и статистиков.

Языковой барьер частично преодолевался с помощью русских публикаций в заграничных научных журналах, их число в последней трети XIX в. значительно выросло. В продвижении некоторых из них деятельное участие принимали эмигранты. В этом смысле вряд ли кто другой может сравниться с Мечниковым. Благодаря его посредничеству в «Анналах» Пастеровского института были напечатаны десятки статей молодых русских биологов. Подобную же услугу русским невропатологам и психиатрам оказал доктор медицины А. А. Любимов. Он часто проводил зимние сезоны в Ницце, практикуя лечение русских эмигрантов, с конца 1880-х гг. окончательно поселился во Франции. Любимов в течение 20 лет дружил с известным французским психиатром Ж.-М. Шарко. Шарко широко представлял страницы редактируемых им журналов: «Архив нормальной и патологической физиологии», «Медицинский прогресс», «Архив неврологии», «Архив экспериментальной медицины и патологической анатомии» авторам из России. Посредничеству Венюкова обязаны русские географы появлением своих статей во французских научных журналах. Его стараниями французские периодические издания стали источником оперативной информации о работах русских географов и для англоязычных читателей.

В последней трети XIX в. в европейских научных журналах стали появляться обзоры работ русских естествоиспытателей в различных областях знания. Русские эмигранты и здесь внесли свою лепту в пропаганду трудов своих соотечественников. Еще раньше это сделал П. А. Чихачев-старший, широко ссылаясь на работы русских предшественников и современников. После книг Чихачева широкую известность на Западе приобрели исследования М. П. Вронченко, П. П. Семенова-Тян-Шанского, И. В. Мушкетова, Н. М. Пржевальского и многих других. С новыми сочинениями русских географов, картографов, востоковедов на страницах отраслевых журналов знакомили французское научное сообщество Н. В. Ханьков и М. И. Венюков, то же самое по отношению к русским этнографам делал И. Е. Деникер.

Ханьков и Венюков позаботились о том, чтобы русская читающая публика на страницах «Журнала министерства народного просвещения» и популярных изданий познакомилась с научной жизнью Франции, ее народным образованием, финансированием исследований, демографическими проблемами и т.п. Много сде-

лали для пропаганды в России трудов французских правоведов, политологов, социологов и психиатров М. М. Ковалевский и Е. В. де Роберти. В 1870-е гг. П. Л. Лавров открыл страницы русского научно-популярного журнала «Знание» для французских авторов-позитивистов. Большое значение при этом сыграли знакомства с сотрудниками вырубовского журнала «Позитивная философия» и французским историком искусства Э. Мюнцем.

Тесное сотрудничество в последней трети XIX в. и особенно в начале XX в. русских и французских ученых привело к тому, что во Франции сложился довольно многочисленный кружок сочувствующих России интеллигентов. Помимо русистов Л. Леже, А. Рамбо, А. Леруа-Болье, М. Вогюэ, Ж. Патуйе, П. Буайе, близкой связанной со страной тематикой своих исследований, в него вошли естествоиспытатели М. Берглю, А. Вюрц, Ж.-М. Шарко, Л. Пастер, Э. Ру, Э. Дюкло, Ш. Рише, братья Эли и Элизе Реклю, П. Брока, историки Ш. Сеньобос и А. Олар, правовед Р. Дарест. Те из них, кто дожил до Октябрьской революции — Ш. Сеньобос, А. Олар, П. Буайе, Ж. Патуйе, А. Мазон, сотрудники Пастеровского института — выступили инициаторами восстановления прерванных войной и революцией научных связей между Россией и Францией.

Вместе с политэмигрантами ученые создали организации взаимопомощи, которые так пригодились послеоктябрьскому поколению эмигрантов, основали очаги общения русской интеллигентной публики в Пастеровском институте и в Тургеневской библиотеке — крупнейшем зарубежном хранилище русской литературы.

Политэмигранты представляли разительный контраст по сравнению со своими собратьями русскими учеными. Тогда как первые оставляли впечатление неприкаянности, беспомощности и чужеродности в окружающем их западном мире, что порождало склонность и истеричность в их среде, вторые оказались наиболее подготовленными для новой жизни. Блестящее образование и предварительное глубокое знакомство с западными наукой и культурой, а главное исключительно позитивная направленность их деятельности, помогли найти применение силам в изначально чуждой среде и занять в ней подобающее место, достойно представляя русский народ и отечественную науку. На прощальном обеде в октябре 1862 г., устроенном русской колонией по случаю ухода с поста посла во Франции П. Д. Киселева, он особенно отметил заслуги соотечественников-интеллектуалов за границей в подготовке новой эпохи во взаимоотношениях России и Запада. Прежде всего они приобрели много добрых друзей для своего отечества, сломали долго бытовавший в Европе стереотип культурной отсталости своей родины и подготовили «почетное место для России и в сфере европейской науки» [33, с. 323].

Литература

1. Ковалевский П. Русский Париж полвека тому назад // Возрождение. Париж, 1970. № 220.
2. Цибульский В. В. Петр Александрович Чихачев (1812–1890), Платон Александрович Чихачев (1812–1892) М., 1988.
3. Халфин Н. А., Рассадин Е. Ф. Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат. М., 1977.
4. Артемов Н. М. Илья Фаддеевич Цион. Нижний Новгород, 1996.
5. Мечникова О. Н. Жизнь Ильи Ильича Мечникова. М.-Л., 1926.
6. Омелянский В. Л. И. И. Мечников. Его жизнь и труды. Пг., 1917.
7. Чистович Н. Я. Мечников. Берлин, 1923.
8. Безредка А. М. История одной идеи. Творчество Мечникова. Харьков, 1926.
9. Гамалея Н. Ф. Воспоминания. М., 1947.
10. Фролов В. А. Опередивший время. М., 1980.
11. Письма И. И. Мечникова к О. Н. Мечниковой. Т. 1. М., 1978; Т. 2. М., 1980.

12. *Пу П. П. Э.* Письма к И. И. Мечникову и О. Н. Мечниковой. 1888–1914. М., 1986.
13. *Pierling P.* Le prince Gagarine et ses amis 1814–1882. Paris. 1996.
14. *Куприц Н. Я.* Ковалевский. М., 1978.
15. *Ковалевский М. М.* Социология. В 2-х т. СПб., 1996.
16. М. М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной жизни. СПб., 1996.
17. *Володин А., Итенберг Б.* Лавров. М., 1981.
18. *Лавров П. Л.* Библиография трудов. М., 1987.
19. *Васильев А. В.* На рубеже третьего тысячелетия. Мариуполь, 1995.
20. *Ковалевский М.* Знаменитая однофамилица (К столетию рождения С. В. Ковалевской) // Возрождение. Париж, 1950. № 9.
21. Вехи. Из глубины. М., 1991.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96.
23. Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. В 2-х т. М., 1994.
24. Сборник памяти П. Л. Лаврова. Пг., 1922.
25. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры и европейской мысли. Париж, 1926.
26. *Горский В.* Русский мессианизм и новое национальное сознание // Зарубежье. Париж, 1971. № 2.
27. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 145.
28. *Жаба С. П.* Русские мыслители о России и человечестве. Антология русской общественной мысли. Париж, 1954.
29. *Раев М.* Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи. Лондон, 1990.
30. *Пантелеев Л. Ф.* Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905.
31. *Бердяев Н.* Россия и Западная Европа // Русская мысль. М.-Пг., 1917. № 5–6.
32. *Герцен А. И.* Былое и думы. Т. X. Ч. V. М., 1956.
33. *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 3. Ч. 1, 2. СПб., 1882.